

Чи Хань только нашёл VIP-лифт, как услышал глухой удар. Заглянув, увидел упавшего человека.

Тощий юноша пытался подтянуться к коляске. Тонкие пальцы были в ссадинах, алые капли крови ярко выделялись на болезненно-бледной коже.

Будто солнца не видел целую вечность.

Чи Хань нахмурился, услышав издевательский смех из закрывшегося лифта.

"Что за твари? Издеваться над инвалидом — весело?"

Метнув злобный взгляд вслед лифту, он поднял коляску и присел помочь упавшему.

Но стоило коснуться плеча — его резко оттолкнули.

Чи Хань едва удержал равновесие.

— Прочь! — прозвучало ледяное предупреждение сквозь тяжёлое дыхание.

"..."

Ну и недоверчивый малый.

Когда юноша наконец вернулся в кресло, его худое тело тяжело вздымалось. Влажные чёрные пряди открыли глубокие тёмные глаза.

Красивые глаза — как полированный обсидиан, холодные и гордые. Но затянутые дымкой, непроницаемые, с проблесками тьмы на дне.

Странно видеть такой взгляд у пятнадцати-шестнадцатилетнего подростка.

Даже в инвалидном кресле он держал спину прямо, но голова всегда чуть опущена — безжизненная оболочка без души.

После того предупреждения — ни слова.

Цифры на табло лифта убывали. Чи Хань прикусил губу, покосившись на упавший плед.

Обычно он не страдал излишним состраданием, особенно когда помощь отвергали.

Но...

Его взгляд упал на прямую спину, отчаянно хранящую последние крохи достоинства. Он мысленно вздохнул.

Не мог просто пройти мимо.

Боль в ногах Жун Сюя усиливалась. Колено, ударившееся об пол, наверняка кровоточило — ткань штанов промокла. Но это ничто по сравнению с болью в икрах.

Кости словно перемалывало.

Перед глазами плыло, он почти ничего не видел.

Пока он стискивал зубы от боли, что-то мягкое коснулось руки. Он с трудом скосил взгляд — чёрная верблюжья шерсть с вышитыми лотосами. Его плед.

Он молча смотрел — сдерживать боль отнимало все силы, на большее их не осталось.

Чи Хань растерялся от молчания. Значит... не нужен?

Видимо, нет.

Подумав, он расправил плед и осторожно укрыл ноги юноши. Затем отступил, не издав ни звука.

Жун Сюй окаменел, когда ткань коснулась ног. В приступе боли они стали сверхчувствительными — малейшее прикосновение вызывало агонию.

Он зажмурился, закусив губу, готовясь к новой волне боли. Но плед принёс лишь мягкое тепло, судороги начали отступать.

Бледный Жун Сюй с недоумением уставился на свои ноги.

Приступ прошёл так быстро...

"Дзинь!" — лифт достиг первого этажа.

На стыке кабины и пола виднелся порожек.

Прежде чем коляска наткнулась на препятствие, Чи Хань подскочил и перекатил её, сразу отпустив.

— Я не трогал тебя. Здесь неровно, тяжело проехать.

Юноша напряжённо выпрямил спину, но промолчал. Мельком глянув на Чи Ханя, откатился в угол лифта.

В этом взгляде явно убавилось враждебности, появились любопытство и изучение.

Как зверёк, осторожно высунувший нос из норы.

Чи Хань слегка улыбнулся, нажимая пятнадцатый этаж:

— На какой этаж? Помогу нажать.

Жун Сюй опустил взгляд, длинные волосы снова скрыли глаза.

"Ох, опять спрятался".

Чи Хань склонил голову, мысленно вздохнув.

Лифт быстро достиг пятнадцатого этажа. Чи Хань думал, юноша дождётся его ухода и выберет свой этаж. Но оказалось — им на один этаж.

Теперь понятно молчание.

На верхнем этаже много кабинетов, но от лифта вёл только один коридор.

Навстречу торопливо шагал худощавый мужчина средних лет, с виду интеллигентный. Но стоило ему заговорить — впечатление рухнуло.

— Жун Сюй! Где тебя носит?! Все собрались, только тебя ждут! Быстро за мной, дедушка хочет поговорить!

Чи Хань закатил глаза, глядя как мужчина, даже не помогая, просто отчитывает инвалида.

Какая разница, кем он приходится юноше — видит же, тому тяжело передвигаться. Вместо того, чтобы спуститься помочь — сразу с претензиями.

Чи Хань, остро сопереживая, сжал кулаки.

В приступе гнева его вдруг пронзила мысль.

Стоп... как его назвали?

Жун Сюй?!

Сердце подпрыгнуло, глаза расширились.

Если верить времени действия — этому безжалостному антагонисту, который в романе разорил все влиятельные семьи города S, сейчас всего семнадцать?!

Семнадцатилетний Жун Сюй на дне жизненной ямы, без единой родной души рядом. Неудивительно, что так реагирует на помощь.

Жун Сюй не был главным героем, его юность в романе едва упомянули.

Замкнутый, холодный, одинокий, вечно страдающий от издёвок и травли.

Одна фраза описала всё его отрочество.

Читая роман, Чи Хань видел только хладнокровного, элегантного мстителя. Лишь теперь, встретив вживую, он понял, сколько боли скрывалось за той короткой фразой.

Мужчина продолжал ныть, будто Жун Сюй — страшная обуза.

Тот молчал, спокойный до оцепенения. Или до отчаяния.

У Чи Ханя сжалось сердце. Не раздумывая, он рванул вперёд:

— Прошу прощения, господин!

Жун Синвэнь замолчал, недоуменно оглянулся. Статный юноша в футболке смотрел на него, едва сдерживая гнев.

— Вы...?

Мужчина поправил очки. Одежда выдавала в юноше не простолюдина, да и в таком месте обедают только представители высших кругов города S. Потому он ответил вежливо.

Чи Хань проигнорировал вопрос:

— Я поднимался с Жун Сюем. Внизу он упал. Может, стоит сначала проверить травмы, а потом всё остальное?

Жун Синвэнь поперхнулся. Годы роскошной жизни сделали его изнеженным — публичный упрёк от подростка заставил его лицо пойти красными и белыми пятнами.

— Чей ты сын? Это внутреннее дело семьи Жун! Иди-ка к своим родителям!

Он махнул рукой, особо выделив "семью Жун".

Благодаря этим двум словам он из мелкого клерка поднялся до замдиректора. Он был уверен — стоит упомянуть семью Жун, Чи Хань сразу извинится.

Кто в городе S не знает семью Жун?

Жун Синвэнь гордо задрал подбородок — вот она, сила клана Жун.

Чи Хань вздёрнул подбородок ещё выше. Плевать ему на семью Жун или позорную семью — он хотел заступиться за Жун Сюя.

Единственного персонажа, которого ему было жаль в этом безумном романе.

— Семья Жун? — изобразил понимание Чи Хань. — Так вот как семья Жун заботится о детях! Простите моё невежество.

Впервые за много лет Жун Синвэню бросили вызов в лицо. Тем более — какой-то мальчишка, на десятки лет младше.

— Из какой ты семьи?! Это... совершенно невоспитанно! — ткнул он пальцем, побагровев.

Пальцы Жун Сюя дрогнули на подлокотнике. Каждое слово Чи Ханя отпечталось в памяти.

Он правда заступается за меня?

Жун Сюй криво усмехнулся.

Как давно... Он привык жить среди злобы и насмешек. Оказывается, кто-то ещё может вступить за него.

Почти незнакомец.

Жун Сюй прижал ладонь к груди. Там словно что-то прорвалось, обжигая кожу до волдырей.

Старший господин Жун ждал внутри. У Жун Синвэня не было времени спорить. Злобно зыркнув на Чи Ханя, он покатил Жун Сюя прочь.

Чи Хань стоял, пока силуэт не исчез. Тяжело вздохнул.

Хоть он и вступился, но толку мало. Вспомнив финал Жун Сюя и мерзкую рожу Фан Цзинло, Чи Хань ощутил тяжесть в груди.

Если он правда попал сюда из-за того комментария — значит, даже небеса хотят другой судьбы для Жун Сюя.

Чи Хань глубоко вдохнул. Если возможно, он изменит концовку. Не позволит Жун Сюю снова пойти тем путём!

Когда Жун Синвэнь вкатил Жун Сюя в кабинет, там царило оживление.

Хоть старшему господину Жун исполнилось семьдесят, волосы оставались чёрными. Он бодро восседал во главе стола, принимая поздравления от детей и внуков.

— Желаем дедушке долгих лет и вечной бодрости!

— А я желаю дедушке счастья как море, славы как солнце и луна!

— ...

Старший господин Жун с улыбкой кивал над чашкой чая:

— Хорошо, хорошо...

Увидев Жун Сюя, он помрачнел.

Заметив перемену, остальные злорадно уставились на Жун Сюя с отцом.

"Два неудачника, как смеют являться на такое торжество?"

"Совсем стыд потеряли!"

Жун Синвэнь отпустил коляску, заискивающе улыбнулся:

— Сяо Сюй упал внизу, потому опоздал. Простите нас!

Молодёжь клана Жун переглянулась с довольными ухмылками. Ни тени стыда за свою выходку.

Жун Гуаньюй, глава клана, даже бровью не повёл. С холодным высокомерием властителя спросил:

— Жун Сюй, как твои ноги? Можешь встать?

На глазах у всех эти слова вонзились в сердце Жун Сюя острейшим клинком.

Пальцы до дрожи стиснули колени.

Не дождавшись ответа, Жун Гуаньюй нахмурился строже.

Жун Синвэнь, мастер читать настроение, увидел гнев старика. Мысленно проклиная неблагодарного Жун Сюя, поспешил вмешаться:

— Господин, ноги Сяо Сюя ещё не совсем в порядке, но я нашёл зарубежного врача, он точно сможет...

Жун Гуаньюй раздражённо махнул, обрывая:

— Значит, калека.

Он брезгливо оглядел Жун Сюя:

— Ладно ноги. Но почему даже говорить разучился? Ни капли духа! Позор семьи Жун!

Видя гнев мужа, Сюй Мань спрятала усмешку. Игриво похлопала его по руке:

— Ай-я, дорогой, зачем злиться на молодёжь? У тебя семидесятилетие, не порти праздник такими мелочами. Давайте, Синвэнь, И-и, выпейте с отцом!

Сюй Мань — вторая жена Жун Гуаньюя, на десять лет младше. Мать Жун Сюя была дочерью первой жены, потому Сюй Мань всячески его презирала.

Её слова якобы успокаивали мужа, но на деле говорили всем — Жун Сюй недостоин даже упоминания.

В кабинете снова стало шумно. Жун Синвэнь тоже поднял бокал.

Здесь не было места для Жун Сюя.

Его сердце, согретое Чи Ханем, вновь рухнуло в глубины ада.

<http://bllate.org/book/13398/1192566>